

общественная ценность наличием людей, отдающихся философии и интересующихся ею. Философия ценна для философов и для тех, кто интересуется ею, находит в себе некое созвучие ее идеям и пониманию жизни. В аспекте публичной значимости философия и философы, на наш взгляд, сродни поэзии и поэтам. Различие в том, что путь поэзии и поэтов к поэтическим чувствам людей шире и короче, чем путь философии и философов к их философским склонностям.

Для того чтобы занять в публичном пространстве адекватное место и играть определенную роль, философии и философам необходимо: во-первых, иметь свою собственную среду, где люди объединены любовью и интересом к философии; во-вторых, держать открытыми «вход» и «выход» этой среды для всех желающих. Если мы посмотрим на судьбу философии и философов в институциональном аспекте, то увидим, что в разные эпохи, в разных культурах и в разных странах существование и защищенность философии и философов, начиная от античных философских школ и заканчивая университетскими кафедрами и исследовательскими центрами философии в современном обществе, определялись прежде всего этими двумя факторами.

Поступила в редакцию 10.07.2015.

УДК 347.78(075.8)+167.3

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ,

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

КАК ИНТЕРНЕТ И «ВИКИПЕДИЯ» РАЗРУШАЮТ АВТОРСКОЕ ПРАВО И ПОЧЕМУ ОСОБЕННО ТРУДНО ГУМАНИТАРИЯМ

Показано, что авторское право защищает права на интеллектуальную собственность слабее, чем патентное, и что наименее защищенные объекты, охраняемые авторским правом, – это публикации по гуманитарным дисциплинам. В силу многовекового тренда к дифференциации знаний гуманитаристика утрачивает черты профессионального и углубленного знания и, все теснее переплетаясь с искусством и журналистикой, распространяется «вширь». Информационные технологии, кардинально облегчая труд гуманитария, уменьшают стоимость результатов. На рынке информации гуманитарная продукция предстает как группа недостаточно рыночных товаров – слабо востребованных и бедных в стоимостном отношении. Неограниченное, небрежное и фрагментарное копирование превращает массивы авторских текстов в ничейный «полуфабрикат». Интернет уничтожает культуру ссылок на первоисточники. Беззаконно сканируются диссертации. «Википедия» целенаправленно и методично разрушает авторское право, позиционируя себя как собрание вторичных, неоригинальных и анонимных статей, принципиально не охраняемых авторским правом.

Ключевые слова: интернет; «Википедия»; разрушение авторского права; место гуманитаристики на информационном рынке; кризис гуманитарного знания; оскудение современного общего образования; депрофессионализация гуманитаристики.

It is shown that copyright protects the intellectual property rights are weaker than the patent, and that the most vulnerable objects protected by copyright – is publishing in the humanitarian science. The excuses are priority of information users to information makers, humanitarian science' loss of professional and in-depth knowledge. The information technologies making the humanitarian's work much easier decrease the cost of results. It is underlined that unlimited, negligent and fragment copying makes the massive of authors' texts, mainly of training and reference-encyclopedic character, into nobody's semi-finished product. The Internet destroys the culture of references to primary sources. Dissertation works are lawlessly scanned. Wikipedia is purposefully and methodically destroying the copyright positing itself as a collection of secondary, unoriginal and, for this reason, anonymous articles.

Key words: Internet; Wikipedia; destroying of copyright; humanitarian science' place in information market; crisis of humanitarian knowledge; impoverishment of modern general education; deprofessionalization of humanitarian science.

1. Чьи права охраняет авторское право? Авторское право регламентирует как моральные (неимущественные), так и финансовые отношения между автором и теми, кто тиражирует и распространяет копии его произведения. Моральное право (фр. *droit moral*) автора защищает его **имя** как создателя произведения, запрещает плагиат, охраняет авторский текст от искажений. Моральные права автора соблюдались издавна – согласно этическим (доюридическим) обычаям. Еще в античной культуре авторство рассматривалось как суверенное право автора создавать свое произведение

по собственной воле и вкусу. В древнегреческом театре рукописи важнейших трагедий хранились в специальном архиве: чтобы контролировать, соответствует ли постановка оригиналу. Еще Мартин Лютер возмущался искажением его сочинений в печати: «Вред еще можно было бы терпеть, – писал он, – если бы люди только плохо обращались с моими книгами. Но теперь они печатают мои книги, проявляя такую спешку, что, когда я затем читаю эти книги, я их не узнаю <...> Это мошенничество – обманывать простого человека с помощью нашего имени» [1, с. 15]. Тех, кто без согласия автора печатал его книги, Лютер называл разбойниками и ворами.

Авторское право, как юридическая категория, складывалось в Западной Европе по мере распространения книгопечатания для того, чтобы регулировать заказы и доходы типографов от продажи напечатанных экземпляров. Монарх выдавал конкретному типографу разрешение (привилегию) на печатание конкретной книги в течение ряда лет. Привилегия защищала типографа от конкурента (который захотел бы издать ту же книгу), а казне гарантировала налог. Привилегия, таким образом, нужна была издателю, а не автору: автор был как бы внутри привилегии, которую получал типограф, поскольку для ее получения он должен был документально подтвердить, что у него имеется согласие автора на издание своего произведения. Это обещание автора отдать рукопись издателю для тиражирования за согласованное вознаграждение было прообразом авторского договора.

В 1709 г. в Статуте английской королевы Анны (*Copyright Act 1709*) были сформулированы законы, защищающие интересы не только издателя, но и автора. Автор получал монопольное право издавать свое произведение на протяжении 14 лет (этот срок при жизни автора мог быть продлен еще на такой же период). В XVIII–XIX вв. законы об авторских правах появились в большинстве государств Европы и Северной Америки. В конце XIX в. были заключены первые международные соглашения по авторскому праву.

С развитием коммуникационных технологий в экономике произведений, охраняемых авторским правом, возрастают объемы «послеавторского» труда – работы публикаторов, режиссеров-постановщиков, исполнителей, специалистов по аудио- и видеозаписи, организации передач эфирного или кабельного вещания и т. п. Имущественные правовые отношения в этой области регулируются смежными правами, которые в законах примыкают к авторским. Автор-индивидуал (писатель, художник, композитор), работающий, как и 300 лет назад, в одиночку, все менее соизмерим с издательским домом или кинокорпорацией. Автор (человек) заинтересован в авторском праве меньше, чем его издатель (предприятие), потому что автору часто (до определенного времени) достаточно обнародования произведения, он надеется на известность, успех, гонорары, в то время как обладателю смежных прав нужен доход сегодня. Новые категории (новеллы) авторского права (такие как «пиратские копии», «контрафактные экземпляры», «бутлегинг» ('несанкционированная запись исполнения на концерте и затем продажа копий'), «видеопиратство» и др.) нужны не авторам, а все более многочисленным субъектам расширяющихся смежных прав. Таким образом, во всей истории авторского права защита имущественных прав автора (создателя произведения) никогда не являлась главным приоритетом этой отрасли гражданского права.

2. Всеобщая декларация прав человека: право на информацию всех людей весомее, чем права автора. В. Веинке обратил внимание на то, что первый основополагающий документ ООН – Всеобщая декларация прав человека (1948) – утверждает приоритет прав потребителей информации над правами ее создателей [1, с. 22]. Это следует из той очередности, в какой документ дает соответствующие нормы: ст. 27 провозглашает право каждого человека свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами, однако в следующем абзаце это право ограничивается другим правом, и тоже каждого человека, – на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является. Конфликт между правами потребителя и правом производителя информационной продукции решается в пользу прав большинства. Показательна в этом плане такая «оксюморонная» категория ряда национальных и международных конвенций по интеллектуальному праву, как

«принудительное лицензирование», т. е. 'недобровольная лицензия': ее обладатель «имеет право осуществлять действия, охватываемые исключительным правом, с разрешения властей помимо воли правовладельца» [2, с. 96].

Ограничение прав авторов в пользу потребителей информации проявляется в сокращении перечня объектов, которые защищает авторское право, и увеличении перечня того, что можно публиковать без авторского разрешения. С одной стороны, не все жанры и виды произведений творчества являются объектом правовой охраны. В их числе – тексты законов, статьи в энциклопедиях, новостные сообщения, «имеющие характер простой информации» (как сказано в Бернской конвенции). В разных странах полностью или частично изъяты из охраны политические и судебные речи, обращения, публичные лекции, произведения, созданные в порядке выполнения служебного задания. С другой стороны, никакую информацию нельзя закрывать полностью, именно поэтому сегодня есть множество законных способов использования произведения без согласия автора. Практически все, что было напечатано в газетах и журналах, кроме художественных произведений, разрешено передавать в эфир или по кабелю, причем без выплаты авторского вознаграждения, если передача в эфир или сообщение по кабелю не были специально запрещены автором (что соответствует международным соглашениям по авторскому праву, в том числе модельному закону «Об авторском праве и смежных правах» (2005) государств – участников Содружества Независимых Государств).

В силу фундаментальной потребности человечества в информации авторское право не охраняет **главный ее компонент – содержание**: согласно ст. 992 Гражданского кодекса Республики Беларусь авторское право не распространяется на собственно идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты. Авторское право охраняет результаты творческой деятельности, но при этом, в отличие от промышленного интеллектуального права, не использует категорию «приоритет» и поэтому охраняет форму, структуру, текст, но не содержание произведения. Этот основополагающий принцип авторского права, в отличие от правовой охраны интеллектуальной промышленной собственности, призван исключить монополию на научную информацию (социально более важную, чем технические изобретения или находки дизайнера). В результате безнравственные действия плагатора остаются юридически безнаказанными: ведь заимствование идей без ссылки на автора нарушает нормы морали, научной этики, но не законы о правах автора.

Как пишет Э. П. Гаврилов, профессор права в Российском экономическом университете имени Г. В. Плеханова, статья УК «Нарушение авторских и изобретательских прав» практически не работает [3]. В законодательстве государств СНГ, как и в справочной юридической литературе, нет термина «плагиат» [4–6]. Семантика слова «плагиат» слишком широка и оценочна по сравнению, например, с такими формулировками уголовных кодексов, как «выпуск под своим именем чужого произведения науки, литературы и искусства» и «присвоение авторства на такое произведение». Поэтому, если дело касается не всего произведения, а только его **части** (раздела), то эти нормы оказываются неприменимы [7].

Слабая юридическая защищенность авторов, заложенная во Всеобщей декларации прав человека ООН и детализированная в законодательных сужениях сферы действия авторского права, созвучна древнейшим общечеловеческим представлениям, согласно которым природный дар или талант отдельного человека – это не его личная или индивидуальная собственность, а общее достояние: ведь пророку дан дар пророчества не для себя, а для племени.

3. Почему авторское право защищает интеллектуальную собственность слабее, чем это делает промышленное право? Объекты охраны интеллектуальной промышленной собственности (патенты на изобретения, полезные модели (технические решения), промышленные образцы (дизайнерские решения), ноу-хау (секреты производства и производственный опыт), интегральные схемы, селекционные достижения (новые сорта растений и породы животных), товарные знаки и знаки обслуживания, фирменные наименования товаров и услуг, коммерческие обозначения и т. п.) создаются по заданиям или заказам тех предприятий и служб, где они потом будут использоваться. По природе и назначению эти объекты ближе к производству, практике, реализации, поэтому быстрее и доходнее монетизируются.

В реальных ситуациях, образующих область действия патентного права, актанты в нужной мере дифференцированы: понятно, кто создает объект, кто является правообладателем, кто – пользователем, зачем, кому и за какое вознаграждение объект поступает и т. д. Поэтому судебные иски против посягателей на промышленную интеллектуальную собственность результативны, включая денежный аспект.

Иная ситуация в сфере художественной деятельности (ее плоды охраняются авторским правом): произведения искусства привлекают многих, круг потенциальных потребителей широк, но неопределен. В отличие от создания интеллектуальных объектов промышленной собственности создание произведений искусства носит в большей мере индивидуально-личностный характер (что называется, по потребности души). По мере роста востребованности (популярности) произведения у отдельных любителей и/или конкурентов увеличивается соблазн нарушений копирайта, появляются контрафактные копии. Возможны нарушения и неимущественных авторских прав (*droit moral*): например, прозаик, прочитав сценарную версию своей повести, через суд возмущенно требует запретить экранизацию; кинорежиссер подает иск о нарушении своих *droit moral* в серии комиксов, которые кажутся ему злой карикатурой на его фильм, и т. д.

Состав объектов, защищаемых законами об интеллектуальной собственности, представлен в таблице.

Законодательно охраняемые объекты интеллектуальной собственности¹

Объекты собственности, охраняемые авторским правом		Объекты промышленной собственности, охраняемые патентным правом		
Произведения искусства	Научные публикации		Изобретения, полезные модели, ноу-хау, интегральные схемы, селекционные достижения	Промышленный дизайн, включая коммуникативный (фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, коммерческие обозначения)
	По гуманитарным дисциплинам	По математике, естественно-научным дисциплинам, медицине		

4. Почему юридически самый беспомощный субъект авторского права – это гуманитарий? Потому что большинство гуманитариев в силу недостаточной потребительской привлекательности своих текстов далеки от рынка интеллектуальной собственности. Имущественные права на статью или книгу, в особенности на монографию, напечатанную в своем университете «под докторскую», или вообще не монетизируются, или гонорар такой скудный, что его не хватило бы ни на адвоката, ни на покрытие судебных издержек. Если кто-то и мог бы возбудить судебный иск против, допустим, контрафактной публикации гуманитарной книги, то это ее законный издатель (если это крупная фирма – издательский дом) – подлинный владелец копирайта и смежных прав. Авторы-гуманитарии официально почти не высказывают претензий насчет нарушения кем-либо их моральных (неимущественных) прав. Скандалы, связанные с плагиатом, обычно разгораются по инициативе третьих лиц, озабоченных моральным обликом чиновных авторов неожиданных диссертаций. Что касается идей гуманитарных публикаций, то *авторское право не распространяется на собственно идеи, принципы, методы, концепции, открытия*.

В контексте многовекового тренда к дифференциации и специализации знаний и профессий взаимное отдаление двух культур (Ч. П. Сноу) – гуманитарной и более поздней естественно-математической – в середине XX в. достигло критической черты, и с развитием информатики, распространением интернета этот разрыв расширяется. Естественно-научное знание сближается с техникой и технологиями, задачи дальнейшего познания и объяснения мира осознаются как менее важные и/или недостаточно прагматичные (что сказывается на финансировании).

¹ В схеме не отражена деятельность по использованию и распространению произведений (объектов), являющихся интеллектуальной собственностью, т. е. по их введению в гражданский оборот. В области искусств результаты такого рода деятельности являются объектом смежных прав (примыкающих к авторскому праву); в других сферах интеллектуальной собственности соответствующие виды деятельности в настоящее время еще недостаточно дифференцированы.

В свою очередь гуманитарное знание, в силу ряда причин (о которых ниже), все более утрачивает черты профессионального специализированного знания и сближается с интересами профессионалов и любителей искусств, а также журналистов. В различных аудиториях – от академических конференций до интернет-форумов и ток-шоу на радио и телевидении – широко обсуждаются любые волнующие людей проблемы общества и отдельного человека; процветают критика и интерпретации произведений искусства, дискуссии о них.

Гуманитарное знание, теснее переплетаясь с искусством и журналистикой, распространяется «вширь». В любой европейской и североамериканской стране большинство студентов учатся на гуманитарных факультетах, при этом гуманитарные интересы (к сенсациям историков войн и дипломатии, биографиям и суждениям знаменитостей, дискуссиям вокруг успешных фильмов и книг и т. п.) выходят далеко за пределы факультетов, само же гуманитарное образование становится все более облегченным, все менее профессиональным и потому – общедоступным и массовым. Гуманитарии-(полу)профессионалы легко говорят и пишут на гуманитарные темы публично, но менее охотно читают, потому что из множества публикаций трудно выбрать стоящие, действительно нужные или полезные (например, для дипломной работы); к тому же вникать в чужие мысли людям обычно и труднее, и менее интересно, чем выражать свои. Поэтому множество гуманитарных публикаций (в интернете и на бумаге) почти не обладают признаками товара и рыночной стоимости и не создают имущественных авторских прав, которые нуждались бы в защите.

5. Много ли информации человеку нужно? Л. Н. Толстой на вопрос: «Много ли человеку земли нужно?», ставший названием одного из его народных рассказов (1886), отвечал как истинный нестяжатель: «Три аршина». А много ли человеку нужно информации? Отдельным индивидам – по-разному. Но человечеству в целом информации необходимо много и разной, чтобы решать новые задачи, а также чтобы сохранялось и ширилось людское разнообразие.

Коммуникационные потоки становятся интенсивнее, но это не значит, что количество информации (т. е. новых сообщений) возрастает пропорционально трафику. Новостные программы на разных телеканалах более чем на 90 % одинаковы. Возможностей вещать стало больше, чем новостей. Как писал Д. Рашкофф, аналитик медиакультуры США, «большинство медиа – это медиа, которые комментируют то, как медиа комментируют медиа» [8, с. 27]. Разные каналы одновременно показывают 50 фильмов – по оксюморонному определению М. Кастельса, «одинаковых, но разных». Переизбыток информации ведет к погоне за сенсациями, намеренным скандалам, переизлишам в оценках, натужной экспрессии, искусственно раздутым конфликтам. В итоге коммуникация доминирует над информацией, сообщение – над содержанием, средство – над целью, контакт – над пониманием. Напрашивается иная, не по Н. Винеру, формулировка термина «информация»: это не то, что снимает неопределенность (как отмечал классик), а все, что можно передать по каналам связи, т. е. трафик.

6. О количестве поэтов на душу населения. У А. С. Пушкина в трагедии «Моцарт и Сальери» Моцарт так видит современное ему разделение труда: мир музыки – это те немногие, кому свыше дано чувствовать «силу Гармонии», и остальной мир «презренной пользы»:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль?..

В наше время музыкант или поэт не скажет: «Нас мало избранных». Художественное творчество стало занятием массовым и разрастается так же безудержно, как и гуманитаристика. Высокие технологии, используемые при создании произведений

искусств и медиа, становятся доступны непрофессионалам. В кинопроизводстве это компьютерные наборы монтажных решений и трюков, переделка (имитация) пленочных и видеоизображений в графические и наоборот, морфинг (плавная, но зримая трансформация одного изображения в новое), компьютерная анимация и др.; в изобразительном искусстве – компьютерная графика, компьютерное моделирование и отбор из виртуально законченных вариантов того, что станет произведением; в музыке – синтезаторы, сэмплеры (генераторы, создающие музыку из предварительно записанных в звуковые файлы тембров звучания), микшеры, акустические системы и др.

Финансовая и техническая доступность профессиональной техники приводит к небывалой насыщенности рынка художественной и медийной продукцией, попутно стирая границы между профессиональным и любительским творчеством (художественным и журналистским). Характерны в этом плане такие движения, как *Do it yourself*, *Wiki*, блоггерство, сетевые литературные салоны, философские сетевые клубы и т. п. В сообщении новостей, особенно неожиданных, блоги часто опережают профессиональные СМИ. По содержательности, глубине вопросов и интеллектуально-культурному уровню обсуждения блоги и профессиональная журналистика становятся соизмеримыми. Между ними нет пропасти. Миллионы блогов, форумов и личных сайтов свидетельствуют, что интернет в сочетании с системами по управлению содержанием (*CMS – content manager systems*) привел к беспрецедентному в истории культуры расцвету творческого, авторского начала в жизни людей.

В сфере искусств технически оснащенное любительство и профессионализм смыкаются. Реклама вокруг исполнительских конкурсов призывает подростка: купи вполне доступный по цене синтезатор (куда закачаны 400 мелодий), систему караоке – и твой номер будет не хуже профессионального. Изобилие художественной продукции побуждает авторов искать новые, альтернативные формы самовыражения, сознательно направленные на вызов, эпатаж, скандал, сенсацию [9, с. 523–539].

Новые направления по сравнению с предшествующими теряют в своем «весе» и продолжительности «жизни». Ускоренная смена культурных парадигм конфликтна в межличностном плане: моральное устаревание опережает физическое; в массовой культуре усиливается разобщенность поколений; в артистическо-богемных кругах растут взаимная эстетическая нетерпимость и агрессивность конкурирующих течений.

Вот как это депрессивное мироощущение передано в полуавтобиографической прозе Ч. Буковски: «Я опять завалился на койку и уже приготовился отдать концы, хорошо это или плохо, хороши они или плохи, эти мальчики, пишущие свои рондо, играющие своими никудышными поэтическими мускулами, это очень надоедает, их так много, так много желающих пробиться, так много ненавидящих друг друга, и некоторые достигшие вершин этого, конечно же, не заслуживают, но многие достигшие вершин этого заслуживают, и все трещит, разваливается, ходит ходуном...» [10, с. 247].

7. Почему в медиа, искусстве и шоу-бизнесе нет кризиса перепроизводства?

Изобилие художественного и медийного контента объясняется не только легкостью его производства, но и низкой занятостью населения Европы и Северной Америки в сферах традиционных производств, сервиса и управления. Недостаточная востребованность части контента и некупаемость его производства не приводит к классическому кризису перепроизводства, как это случается в промышленности и сельском хозяйстве: продукцию не покупают, поэтому производители за свой труд не получают платы, в результате у них нет денег, чтобы купить нужные им продукты чужого труда, которые остаются непроданными, – и так по кругу.

В медиа, искусстве и шоу-бизнесе бесчисленные производители контента – это часто свободные художники, фрилансеры, живущие на вольных хлебах от заказа к заказу. Как и в спорте, им никто не обещал ни многолетнего контракта, ни твердого заработка. В условиях свободного плавания и постоянной конкуренции фрилансеры информационного рынка выступают как самостоятельные игроки. Риски велики, но в Европе и Северной Америке артисты не умрут с голоду, потому что в обществе есть разнообразные формы материальной поддержки свободных

художников, есть возможности немного заработать или получить грант, чтобы продолжить свой художественный поиск, и этого хватает для интересной жизни. Похоже, в «сытых» странах верхи, осознавая опасность растущей безработицы (когда заводы, не меняя брендов, просто перевозятся в Азию, где рабочая сила в разы дешевле), сознательно развивают два вида деятельности, способной занять всех и надолго: это спорт и сфера искусства и медиа.

«Половодье» информации – это не кризис перепроизводства, а нормальное состояние информационного общества, живущего в потоке производства и потребления сведений: контент создается ради самого процесса создания и потребления контента. У Дж. Оруэлла в романе «1984» создатели (фальсификаторы) информации отделены от потребителей классовыми стенами. В современном информационном мире они рядом и смешаны. Композитор и в печатных СМИ, и в телеинтервью подробно объясняет собственные сочинения. Интернет наводнен рецензиями любителей. Некоторые сами снимают видеоролики. Чей-то любительский ролик в интернете смотрят миллионы людей. Домохозяйка, любящая петь, становится звездой Евровидения. Запрещенное граффити превращается в доходную рекламу. Авторы вполне профессионального сайта призывают посетителей: «Присылайте ваши фото, репортажи, видеоролики». Таковы будни информационного общества.

8. «Пирамиды», растущие вширь и ввысь (объемы контента и иерархия спроса в искусстве). Вследствие насыщенности рынка художественной продукцией ценность раскрученных брендов растет, а произведение без бренда не имеет шансов на признание. Рынок контента художественной и медиапродукции похож на пирамиду с быстро расширяющимся основанием (массовое художественное, блогерское и другое гуманитарное творчество) и с быстро растущей вертикалью. В результате пирамида становится массивнее и круче. Производители разных контентов находятся отнюдь не в равных позициях. Хотя граница между хобби и профессией размывается, но вершина «пирамиды» стала труднодоступна как никогда ранее. Топы рейтингов занимают владельцы первых брендов (лейблов, звездных имен и других знаков общественного признания) – *Top-10*, *Top-50* и далее вниз по склонам «пирамиды».

Таким образом, растущее производство контента выступает как фактор всеобщей занятости и потому – как социальный стабилизатор. Нет кризиса перепроизводства – есть избыток контента на любой вкус, есть увлекательное и бесконечное творчество полубезработных, но не голодных масс.

9. Права автора и природа кризиса современного гуманитарного знания. В отличие от искусств и медиа, где избыток контента не приводит к кризису перепроизводства (в классическом понимании термина), в гуманитаристике черты кризиса очевидны, хотя причина кроется тоже не в экономике. Неблагополучие ситуации гуманитариев объясняется рядом факторов.

9.1. Информационные технологии, расширяя эмпирическую базу исследований и совершенствуя их методы, одновременно обесценивают результаты труда гуманитария. Интернет, этот «водопровод информации» (А. Генис), создал небывалую доступность любых данных. В интернет-филологии особенно важны национальные (общие) и специализированные корпуса разных языков, электронные библиотеки произведений мировой литературы (на языках оригинала и в авторитетных переводах), в том числе оцифрованные рукописи и фольклорные записи. Интернет и специальные компьютерные программы позволяют автоматически выполнять самые разные виды анализа, систематизации, количественной обработки текстовых данных (например, создать частотный словарь любого текста; получить и статистически обработать выборки контекстов с любым заданным словом; провести контент-анализ любых корпусов оцифрованных тестов; автоматически транскрибировать звучащую речь и др.). Однако поразительные возможности информационных технологий не только облегчают труд, но и девальвируют его. Если в докомпьютерные времена богатая текстовая выборка, особенно с не совсем тривиальными фактами, ценилась достаточно высоко, то сейчас сразу возникает вопрос о личном вкладе исследователя (допустим, при его аттестации) в полученные результаты: например, какие компьютерные программы автор написал самостоятельно, а какие – только использовал и т. п.

9.2. Компьютер и интернет разрушают авторское право прежде всего технологически, создавая неограниченные возможности для копирования и распространения копий. Сеть резко ослабила этику и гуманитарную культуру письменной речи: пишущие (точнее – компилирующие) легко и бездумно не только искажают чужую мысль, но и идут на плагиат. Всплывает в памяти материал В. Е. Кемерова «Как философствуют сканером» – отклик на книгу одного минского автора, опубликованный в журнале «Вопросы философии».

Сеть разрушает традиции бережного обращения с чужим текстом – традиции, выработанные веками филологической работы. Огромные массивы авторских текстов, прежде всего учебных и справочно-энциклопедических, вследствие небрежного и фрагментарного копирования превращаются в ничейные тексты, в «информационный фарш», «полуфабрикат». Интернет по-мародерски уничтожает культуру ссылок на первоисточники, информация становится анонимной, а культура перестает быть «вертикальной», иерархической, в которой знают разницу между мастером и подмастерьем, между первопроходцем и теми, кто шел следом.

Сетевое браконьерское игнорирование первоисточников и их авторов подхватили бумажные издания – гуманитарные энциклопедии, вузовские учебные пособия. В связи с этим можно указать на минско-московские философские (и близкие к ним) энциклопедии, подготовленные под редакцией А. А. Грицанова. Так гуманитарную культуру превращают в масскульт.

Сеть пестрит фрагментами гуманитарных диссертаций (сайты «Планета диссертаций», «Агентство “Деканат”», *Disserconsult.ru* и др.). Попутно анонимные умельцы пишут, что готовы сканировать и доставить заказчику любую диссертацию. Значит, спрос на незаконные сканы диссертаций есть, удовлетворить его легко. Авторское право в этой рыночной активности игнорируется абсолютно, и по большому счету, это мало кого волнует: медиаскандалы ситуацию не исправят, а юристам не до таких «пустяков».

9.3. «Википедия»: целенаправленное разрушение индивидуально-авторского начала и прав автора. Если незадачливые и недобросовестные «творцы» диссертаций расшатывают авторское право снизу и кустарно – на свой страх и риск, то создатели «Википедии» разрушают авторское право принципиально и методично. Этот крупнейший в истории коммуникации краудсорсинг позиционирует себя как собрание принципиально вторичных и ни в коем случае не оригинальных текстов.

В разделе «Правила и руководства» отмечается, что недопустимость оригинальных исследований – это одно из основополагающих, базовых правил «Википедии» (наряду с правилами проверяемости и нейтральной точки зрения).

Далее говорится: «“Википедия” – не место для публикации оригинальных исследований (таких, например, как новые теории). Оригинальные исследования включают неопубликованные факты, аргументы, размышления и идеи, любой неопубликованный анализ или синтез изданного материала, служащего для продвижения той или иной позиции. Это означает, что “Википедия” не предназначена для размещения вашего собственного мнения, опыта, аргументов или выводов».

Такая позиция «Википедии» – это не попытка ущемить чьи-либо права и интересы. Это просто констатация факта: «Википедия» – не первичный источник информации, а вторичный, т. е. такой, который собирает, анализирует, оценивает, интерпретирует и синтезирует информацию из первичных и других вторичных источников. В «Википедии» можно писать оригинальные обзоры и обобщения, но не новые заявления, утверждения или выводы.

При написании статьи всегда указывайте источник сведений. Заслуживающим доверия источником информации может служить известный научный рецензируемый журнал, академические издания. Самиздат и книги, выпущенные на средства автора, такими источниками не считаются.

Заключение раздела «О недопустимости оригинальных исследований» звучит как слоган: «Статья в “Википедии” – это не сочинение, а изложение».

Иначе говоря, создатели «Википедии» призывают считать, что ее статьи принципиально анонимны, они никому не принадлежат: это общее, всем доступное достояние. У этих статей не может быть атрибута авторства в силу их неоригинальности

(обязательной вторичности). Составитель статьи – не автор, а компилятор и синтезатор, у него нет авторских прав на составленную статью. Поэтому все, что копируется из «Википедии» в другие статьи и книги, не требует ссылок, так как заимствуется не оригинальный, а вторичный текст, и это заимствование не нарушает чьих-либо авторских прав, потому что автора нет – есть компилятор.

В обычных статьях «Википедии» иногда в квадратных скобках встречаются замечания редакторов или кураторов о том, что «вот этот» фрагмент, скорее всего, является оригинальным авторским текстом (а не пересказом чужого текста) и поэтому его надо исключить. Таким образом, и в своих правилах, и на практике «Википедия» разрушает авторское начало.

9.4. Как форсируют дивергенцию гуманитарного и естественно-научного знания. Все более глубокое расхождение двух культур – гуманитарной и естественно-научной – это еще одна из причин неблагополучия в современной гуманитаристике. Физики-химики давно убеждены, что на гуманитарных факультетах нет науки по определению, что слова «наука», «научный» применительно к филологии или истории – условность, дань традиции, вчерашний день, что в реальности это не науки, а ученость. На практике (в финансировании) гуманитаристика давно отделена от «настоящей» науки и технологии. Но, судя по всему, наступает время официального отлучения гуманитарного знания от науки. Вот одно из проявлений этого тренда.

С 15 февраля 2015 г. в издательском доме «Наука» для журналов и сборников статей были введены новые правила оформления библиографических ссылок и списка литературы – в соответствии с нормами «ванкуверского стиля»: ссылки нумеруются в порядке упоминания цитат; список литературы строится по номерам ссылок. В отличие от «ванкуверского стиля», обычного для естественно-математических и инженерных публикаций, «гарвардский стиль» принят в журналах и книгах гуманитарной и социальной тематики. Ссылки в гарвардской системе называют фамилию автора цитируемой работы и год ее публикации (*name-date system*), а также страницу, на которой расположена приводимая цитата; в списке литературы источники даются в алфавитном порядке.

Гуманитарии, которые на практике имели дело с работами как в «ванкуверском», так и в «гарвардском» оформлении, хорошо знают, насколько неудобен «ванкуверский стиль» при большом объеме книги: сложно ориентироваться в именах и датах цитируемых публикаций. Возможно, этот стиль хорош для небольших статей, когда читателю неинтересен автор, а важны только результаты его исследования. Но у гуманитариев не так: автор для них представляет интерес.

Однако новые правила работы с литературой, введенные в феврале 2015 г. издательским домом «Наука», регламентируют не только стиль ссылок и подачи библиографии. Фактически существенно ограничен жанровый состав цитируемой литературы, в частности, указано, что не цитируются:

- тезисы, учебники, учебные пособия. Материалы конференций могут быть включены в список литературы только в том случае, если они доступны, обнаруживаются поисковиками;
- электронные ресурсы (электронные журналы, онлайн-статьи, газетные и любые новостные ресурсы, доклады и разные исследования на сайтах). Их можно указывать в постраничных сносках;
- статистические сборники (в постраничных сносках);
- диссертации без депонирования не указываются вообще!

Легко предвидеть, как озадачит гуманитариев невозможность ссылаться на учебные пособия, ведь в традициях гуманитарного знания книги, вышедшие с этим грифом, часто бывали и учебными, и подлинно исследовательскими изданиями¹.

¹ В связи с этим назовем две самые знаменитые книги академика В. В. Виноградова (1895–1969): первопродческие «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков», с министерским грифом учебного пособия, выходили трижды (1934, 1938, 1982 гг.); книга «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», теоретическая морфология с замечательными экскурсами в историю языкознания, издавалась как учебное пособие четыре раза (последнее издание – в 2001 г.).

Многие замечательные гуманитарные исследования впервые выходили в свет в серии научно-популярных изданий, в том же издательстве «Наука». Что, и их запретят цитировать?

Скорее всего, гуманитарии возмутятся «ванкуверскими» нормами и дружно скажут издательскому дому: «Оставьте нам наш гуманитарный “гарвардский стиль”». Им ответят: «Хорошо, только тогда не считайте, что ваши гуманитарные публикации – это наука».

9.5. В чем Э. Бёрджесс («1985») поправил Дж. Оруэлла («1984»)? Уравниловка безнадежнее «Старшего Брата». В антиутопии Дж. Оруэлла «1984» (первое издание – в 1949 г.) самый жуткий для автора прогноз – это «полиция мыслей», тотальный репрессивный идеологический контроль.

Повсюду зловещее напоминание: «Старший Брат смотрит на тебя», черноусое лицо с темными глазами, повсюду видеокamеры, точнее, «телеэкраны, которые работали на прием и на передачу». Экран «ловил каждое слово, если его произносили не слишком тихим шепотом», «и ты жил с сознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое твое движение, пока не погас свет, наблюдают». И еще «он знал это – спина тоже выдает» [11, с. 6–7].

«Старший Брат» вынуждает фальсифицировать первоисточники – в этом состоит служба главного героя. Это по-своему тонкая и индивидуальная работа (поскольку поручить комиссии – «это значит открыто признать, что происходит фальсификация»). Поэтому «не меньше десятка работников трудились сейчас над собственными версиями того, что сказал на самом деле Старший Брат». Иногда составлялось несколько версий какого-то особо значимого события, например публичной речи Старшего Брата. «Потом какой-то начальственный ум во внутренней партии выберет одну версию, отредактирует ее, приведет в действие сложный механизм перекрестных ссылок, после чего избранная ложь будет сдана на постоянное хранение и сделается правдой» [11, с. 48].

У Э. Бёрджесса в антиутопии «1985», написанной через 30 лет после книги Дж. Оруэлла и полемизирующей с ней, в Лондоне 1985 г. до любых первоисточников, и подлинных, и фальсифицированных, никому нет дела, архивы никому не интересны и в их «сложных механизмах перекрестных ссылок» в 1985 г. никто не станет да и не сможет разобраться.

Главный герой романа, учитель истории в общеобразовательной школе, из-за непереносимого сокращения учебной программы уволился из школы и встал у конвейера шоколадной фабрики (зарабатывая, кстати, на 20 фунтов в неделю больше). По схожим причинам из лондонских школ уходят учителя английской литературы. По вечерам они сбредаются к костру во дворе заброшенной фабрики. Вот рассказ одного из них: «Набор книг, предложенных для экзамена на государственное свидетельство о среднем образовании, был следующий. Поэзия: лирика мальчика по имени Джек Фут, солиста и автора песен музыкальной группы “Живчики идут” и томик песен какого-то американца, кажется, Род что-то там. Драматургия: пьеса под названием “Мышеловка” покойной дамы Агаты Кристи <...> Скажите на милость, это литература? Я подал заявление» [12, с. 183]. Говорить как образованные – предосудительно, надо говорить простецким «яром» (языком рабочих). Школьница-подросток (дочь героя) не может оторваться от телевизора и упивается историей о паре мультяшных дельфинов, которые говорили по-английски на китайский манер: «Ты говоришь он не прийти я знаю он прийти я знаю он прийти скоро» [12, с. 142].

К бывшим учителям подходят два музыканта с футлярами для скрипок и играют классику для безработных гуманитариев. Это «были состоявшиеся, зрелые исполнители». Настоящие профи, но безработные. Один из музыкантов видит, что жизненный крах людей у костра – не случайность и не частность, а диктат рынка, т. е. вкусов миллионов сограждан. И понимает, что диктат толпы будет нарастать: «Уравниловка достигнет предела. Даже технического совершенства в исполнительском мастерстве не допустят. Ведь те детишки, что поют под гитару, не плохо справляются, сечешь, зарабатывая миллионы, пусть даже все съедают налоги, а они никогда не брали долбанных уроков в своем чертовом скульяже» [12, с. 219].

В книге Э. Бёрджесса прогноз не такой долговременный, как у Дж. Оруэлла: всего на семь лет. По существу, Э. Бёрджесс писал об окружающем его мире и о тех бедах английского (и любого западного) общества, которые сумел увидеть еще в «Заводном апельсине» (1960). В романе «1985» реальность показана полнее и философичнее, хотя и менее художественно. Э. Бёрджесс почти не говорит о причинах того социального кризиса, который он рисует: почему рушатся семьи, беспомощна школа, парализованы пожарные и врачи, телевизор оболванивает подростков, а настоящие гуманитарии-педагоги, как и высококлассные скрипачи, бедствуют без работы. Автор называет одну, но коренную причину кризиса: «Уравниловка достигла предела». Действительно, в XX в. ни в одной европейской стране выпускники средних школ по своему культурно-образовательному уровню не превосходили остальную молодежь так очевидно, как это было с выпускниками гимназий и реальных училищ в XIX в.

К аналогичным следствиям приводит и расширение университетского образования, что признано во всем мире: в конце XX в. в Северной Америке и Европе (включая СНГ) общеобразовательный уровень студентов и их умение учиться, как и стремление к знаниям, резко и значительно упали. Снижение настолько зримое и сильное, что стали говорить о его целенаправленной организации. У Э. Бёрджесса в разрушении образования и телевизионном оуплении молодежи заинтересованы власти: тогда населением легче управлять. Одна из сверхзадач Болонского процесса состояла в удешевлении и большей доступности высшего образования. Но в более широкой перспективе и в Болонском процессе можно увидеть проявление стихийных унифицирующих и уравнивательных тенденций глобализма и антиглобализма.

10. Гуманитарные произведения на информационном рынке. Однако есть и другие причины нарастающего кризиса гуманитарного образования. Наверное, в 1978 г. (когда Э. Бёрджесс писал «1985») оборотная сторона интернета и компьютеризации общества еще не могла быть увидена с достаточной полнотой. Но сейчас становится очевидным, что изобилие информации, ее небывалая физическая доступность и вместе с тем постоянные сомнения пользователей (в частности, студентов или старшеклассников) в ее адекватности, релевантности, нужности того, что «вот сейчас» загружается на его/ее экран, – все это приводит к тому, что субъективно (в глазах пользователей) информация теряет свою ценность: ее слишком много, она ни о чем, она не (очень) нужна и т. п. (в отличие от обезличенной выжимки обязательного учебника). Кроме того, айфоны рожают у их владельцев уверенность, что при необходимости они легко и быстро найдут в своем гаджете нужный ответ на вопрос любой викторины, и это верно: найдут. Но моментальные справки никак не позволят человеку почувствовать душевную ценность гуманитарного знания. В результате привлекательность и востребованность гуманитарных знаний падает.

Есть еще одна причина кризиса современного гуманитарного знания – его общедоступность. У гуманитарных академических институтов и факультетов нет монополии на гуманитарные знания и разыскания, т. е. исследования. Степень широкой осведомленности общества в гуманитарных вопросах все еще достаточно высока. В библиотеках, архивах, музеях этих знаний по-прежнему много, они вполне зримо присутствуют в культуре, но они так доступны, что не кажутся занятием для специалиста. Если театральный режиссер или критик с пользой для своего дела проводит неделю в архиве, то неважно, какой у него диплом и есть ли у него ученая степень. Принципы *Do it yourself* («сделай это сам»), «сам себе режиссер» действуют: масса непрофессионалов занимается тем же, что и специалисты. Любители могут фантазировать, сочинять завиральные гипотезы и выводить паранаучные следствия. Подобное случается и у профессионалов, только не так пассионарно и реже (в силу менее интенсивных поисков нового). Гуманитарное знание перестает быть знанием специальным: оно растворяется в общей культуре народа, а массовая культура вытесняет его на далекую периферию коллективного сознания. В таких условиях мало кого заботят имущественные авторские права гуманитария.

Интернет и информационные технологии в той или иной мере нарушают права на интеллектуальную собственность всех, кто эту собственность создает или распространяет. Письменные плоды труда гуманитариев (статьи, диссертации, книги

по гуманитарной проблематике) составляют наименее защищенный класс произведений, охраняемых авторским правом, что обусловлено рядом (отчасти взаимосвязанных) факторов экономического, информационно-психологического и информационно-социального характера.

При окружающем каждого члена общества информационном изобилии и в условиях недостаточной метаинформации о книгах, представленных на рынке гуманитарной продукции, потребительская стоимость гуманитарных произведений невысока. Информационные технологии, кардинально облегчая труд гуманитария и сокращая объемы труда, вложенного в произведение, уменьшают его стоимость. Поэтому на рынке информации плоды гуманитарного труда предстают как группа малоинтересных товаров – слабо востребованных и бедных в стоимостном отношении.

В информационном обществе за пределами профессиональных сфер материального производства, научно-технологической, медицинской и управленческой деятельности (а также подготовки соответствующих специалистов), т. е. в сфере досуга, отдыха и развлечения преобладают и все шире распространяются культурно-психологические стандарты массовой культуры. Массовое сознание падко на сенсации из мира искусств и жизни звезд, поэтому таблоиды – вне конкуренции, но и книги о людях искусства достаточно популярны, значительно меньший интерес вызывают воспоминания бывшего разведчика или дипломата, еще меньший – разыскания пушкиниста, и только специалисты заметят новую книгу известного медиевиста. Что касается такой массовой гуманитарной продукции, как диссертации, то их востребованность нулевая. Потому что массовой культуре не нужно специальное и узкое гуманитарное знание: оно равнодушно и к новому знанию, если оно не подано как сенсация.

Благодаря распространению среднего образования в современной массовой европейской и североамериканской культуре гуманитарное знание (или гуманитарная осведомленность) присутствует в значительно большей мере, чем в массовой культуре до середины XX в. Несмотря на хаотичность и скудость гуманитарных знаний у вчерашних школьников и сегодняшних телезрителей, само наличие этих знаний проявляется в том, что кто-то продолжает свое гуманитарное образование самостоятельно (для души и вне специальных факультетов), кто-то (в более редких случаях) увлекается гуманитарными исследованиями. Все это укрепляет в обществе представление о том, что гуманитаристика может быть интересной, но не является профессией. Гуманитарное знание, действительно, перестает быть знанием специальным: оно растворяется в общей культуре народа, а массовая культура вытесняет его на отдаленную периферию коллективного сознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Веинке В.* Авторское право. Регламентация, основы, будущее / под ред. Б. Д. Панкина. М., 1979.
2. Интеллектуальная собственность. Основные материалы : пер. с англ. : в 2 ч. Ч. I. Новосибирск, 1993.
3. *Гаврилов Э. П.* Новеллы в авторском праве // Советская юстиция. 1993. № 17. С. 12–14.
4. Интеллектуальная собственность: словарь-справочник / под ред. А. Д. Корчагина. М., 1995.
5. Интеллектуальная собственность : в 2 кн. Кн. 1 : Авторское право и смежные права / сост. и коммент. И. В. Попова ; под ред. В. Ф. Чигира. Минск, 1997.
6. *Судариков С. А.* Основы авторского права. Минск, 2000.
7. *Мечковская Н. Б.* Законы об авторских правах: модальные операторы в диагностике коллизий и тенденций развития // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова [и др.]. М., 2000. С. 293–305.
8. *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / пер. с англ. Д. Борисова. Екатеринбург, 2003.
9. *Мечковская Н. Б.* История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию. М., 2009.
10. *Буковски Ч.* Популярная личность // История обыкновенного безумия : пер. с англ. СПб., 2007.
11. *Оруэлл Дж.* 1984 / пер. с англ. В. Голышева. СПб., 2004.
12. *Бёрджесс Э.* 1985 / пер. с англ. А. Комаринец. М., 2015.

Поступила в редакцию 24.08.2015.